

Соціалізмъ и общее міровоззрѣніе.

Когда приходишь къ соціализму, критикуя его съ христіанской точки зрѣнія,—слышишь всегдашній упрекъ:—„Соціализмъ—*научная* теорія, а христіанство, что вы тамъ ни говорите,—*религія*. Какъ же можно масштабомъ религіи оцѣнивать научное міровоззрѣніе? Это все равно, что воду мѣрить аршинами, а землю ведрами. Между соціализмомъ и христіанствомъ нѣтъ точекъ соприкосновенія. А потому всякая специально-христіанская критика соціализма принципиально невозможна“.

Это первое укрѣпленіе, за которымъ соціализмъ пытается спрятаться отъ вопросовъ, которые живутъ въ душѣ каждаго христіанина, и мнѣ кажется, послѣдовательность мышленія заставляетъ прежде всего остановиться на немъ и показать, что это не укрѣпленіе, а всего лишь неосновательное *asylum ignoantiae*.

Я это и постараюсь сдѣлать въ настоящей статьѣ.

Разсмотримъ же ближе, что хотятъ сказать люди, говорящіе о несоизмѣримости соціализма и христіанства.

Они хотятъ дѣло представить въ такомъ видѣ:

Христіанство проникнуто все абсолютнымъ. Соціализмъ же и анархизмъ никакого отношенія къ абсолютному не имѣютъ. Никакими абсолютными цѣлями они не задаются. Вопросы о смыслѣ и правдѣ жизни не разрѣшаютъ. Соціализмъ въ однихъ формахъ, анархизмъ въ другихъ, стараются подготовить тѣ условія, въ которыхъ освобожденный человѣкъ сможетъ съ большей силой и страстью, чѣмъ теперь, отдаваться отысканію конечнаго смысла жизни (конечно, если смыслъ таковой имѣется);—вообще того, что будетъ послѣ

того, какъ практическіе идеалы ихъ осуществляются, они предугадывать теперь не могутъ, и отвѣтственности за то, что будетъ тогда, они взять на себя *теперь* не хотятъ. Отдѣльные представители социализма и анархизма могутъ, конечно, фантазировать и своими красочными мечтами заполнять конкретнымъ содержаніемъ то, что для научнаго мышленія представляется пока опредѣленнымъ въ самыхъ общихъ только нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ. Но эти мечтанія вовсе не обязательны для всѣхъ анархистовъ и социалистовъ и потому социализмъ и анархизмъ въ цѣломъ нельзя упрекать въ преслѣдованіи какихъ-нибудь абсолютныхъ цѣлей. А разъ это такъ, то предъявлять къ социализму или анархизму тѣ требованія, которыя онъ обязанъ былъ бы выполнить лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ ставилъ себѣ не конечныя и опредѣленныя цѣли, а абсолютныя и неопредѣленныя,—конечно нельзя и тогда производить его критику съ точки зрѣнія христіанства—это все равно, что съ точки зрѣнія христіанства критиковать какую-нибудь отрасль науки, задающуюся специальными и скромными цѣлями, напримѣръ, астрофизику или термо-химію.

Эту точку зрѣнія можно утвердить ссылками на авторитетныхъ представителей въ социалистической литературѣ. Напр., *Шефле*—цѣль социализма видитъ въ замѣнѣ частнаго капитала—коллективнымъ, т. е. въ такомъ способѣ производства, который, исходя изъ того начала, что *средства* производства составляютъ *коллективную собственность* совокупности всѣхъ членовъ общества, установилъ бы объединенную національную организацію труда и распредѣленіе общаго продукта всѣхъ—между всѣми, сообразно количеству и общественной полезности производительнаго труда cadaго ¹⁾).

Вотъ и все! Социализмъ не новая религія, несущая въ себѣ спасеніе міру, и заполняющая новымъ смысломъ человѣческую жизнь, а простая „реформа цивилизаціи съ экономической стороны“, какъ говоритъ Шефле, или просто такой строй, который „будетъ продолжать путь челоуѣчества къ прогрессу, такъ какъ этотъ путь шель до сихъ поръ“, какъ говоритъ Лавровъ.

1) Шефле, Сущность социализма съ прим. Лаврова 2 стр.

Опираясь на такое пониманіе, практическіе работники соціализма считаютъ для себя возможнымъ освободиться отъ матеріалистической метафизики марксизма и держаться общаго міровоззрѣнія, полярно противоположнаго матеріализму—иногда міровоззрѣнія идеалистическаго, неокантіанскаго стиля, иногда явно религіознаго, приближающагося почти во всемъ къ христіанскому, а иногда даже и не держатся никакихъ общихъ воззрѣній.

Соціализмъ—одно:—ихъ мнѣнія и взгляды другое. Между ними нѣтъ объективной связи, которая бы соединяла каждую деталь ихъ воззрѣній съ ихъ работой въ партіяхъ въ одно объективно-гармоническое цѣлое; въ соединеніи того и другого есть только *субъективная* правда, имѣющая значеніе и цѣнность для даннаго отдѣльнаго человѣка, но не для человѣка вообще. Поэтому о смыслѣ *своей* жизни они сказать могутъ, но о смыслѣ социализма они отказываются говорить принципиально въ виду того, что социализмъ является только путемъ къ тому состоянію человѣчества, когда смыслъ этотъ опредѣлится и будетъ найденъ.

Поэтому когда неумолимую жизнью выставляется категорическое требованіе: Брось занятія свои философій и науками, перестань углубляться въ вопросы о смыслѣ человеческой жизни и ищи полную жизненную правду,—и иди въ „станъ погибающихъ за великое имя любви“—они послушно бросаютъ все и идутъ работать, кому-то въ чемъ-то повѣривъ, *и оставивъ личное исканіе истины*, т. е. то самое высшее и цѣнное, что только есть въ человѣкѣ... Они знаютъ, что истины этой еще не нашли и все же бросаютъ все и идутъ, куда зоветъ ихъ повелительный голосъ жизни.

Анархисты въ логическомъ отношеніи занимаютъ позицію однородную. Они смотрятъ иначе на средства, которыми можетъ быть произведена „экономическая реформа цивилизаціи“, и на формы, въ которыя она отольется, но все же реформа эта является реформой экономической, т. е. такой, которую можно разсматривать внѣ связи съ общими вопросами о смыслѣ и цѣляхъ человеческой жизни. Какъ Герценъ послѣ 48-го года, они могутъ сказать: „Да погибнетъ весь міръ! Да здравствуетъ хаосъ и разрушеніе!“ Такъ, напр., Сергѣй Нечаевъ, ученикъ Бакунина, говоритъ въ своемъ катехизисѣ: „Будущая организація—это дѣло грядущихъ

поколѣній; наша работа—это ужасное, беспощадное и всеобщее разрушеніе“ ¹⁾).

Но можно представить дѣло такъ, что въ этомъ хаосѣ и разрушеніи они видятъ ту же подготовительную работу, тотъ же *путь*, которые социалдемократы видятъ въ устройствѣ профессиональныхъ союзовъ или въ завоеваніи политической власти путемъ парламентской борьбы, и такимъ образомъ и анархисты какъ будто бы могутъ отстранить отъ себя вопросы о конечномъ смыслѣ и оправданіи ихъ теперешней дѣятельности.

Если перевести на философскій языкъ то, что говорятъ люди, желающіе представить свое отношеніе къ социализму и анархизму въ такомъ видѣ, какъ представлено выше, то получится слѣдующее: они стоятъ на относительной человѣческой точкѣ зрѣнія. Никакихъ абсолютныхъ утверженій они сейчасъ не дѣлаютъ. Если бы они допустили хоть одно абсолютное утверженіе, они сразу бы стали на одну плоскость съ христіанствомъ, въ положеніе открытое для критики съ точки зрѣнія христіанства. Но ни одного абсолютнаго утверженія они не дѣлаютъ и потому у нихъ нѣтъ съ христіанствомъ никакихъ точекъ соприкосновенія и разговоровъ поэтому никакихъ быть не можетъ.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ ли въ такомъ родѣ отношеній къ дѣлу не одного, а цѣлаго ряда замаскированныхъ абсолютныхъ утверженій? Попробуемъ разобраться.

Когда подъ видомъ скромности люди избѣгаютъ критическаго отношенія къ своимъ воззрѣніямъ и личной продуманности всѣхъ своихъ взглядовъ, то эта скромность ложная, гордящаяся и въ сущности тайтъ въ себѣ противящееся истиннѣ упорствование на своемъ. Подъ тѣмъ или другимъ видомъ отказаться отъ прямого разрѣшенія абсолютныхъ вопросовъ о смыслѣ и правдѣ жизни—это значить не освободиться отъ этихъ вопросовъ совсѣмъ, а только отойти въ уголокъ и притаясь, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ, скомкать ихъ въ какое-нибудь рѣшеніе для себя, оглядываясь, скорѣе спрятать это рѣшеніе свое куда-нибудь подальше въ какой-нибудь карманъ что-ли и дѣлать видъ, что ничего не произошло. Но стоитъ человѣка, такъ воровски съ этими вопро-

¹⁾ Ценкеръ. Анархизмъ. 115 стр.

сами поступившаго, хорошенъко встряхнуть, какъ изъ него сразу посыпятся цѣлыя десятки такихъ „домашнихъ“ рѣшеній, и станетъ яснымъ, что съ истиной-то онъ и поступилъ очень нескромно, осмѣлившись предложить ей вмѣсто души и сердца—какой-то дырявый, грязный карманъ.

Люди, которые, вслѣдствіе ли такой гордящейся скромности, или же вслѣдствіе недостойной трусости мышленія, могутъ итти въ практическіе работники социализма или анархизма, *не рѣшивъ* объективно и передъ всѣми вопроса о конечномъ смыслѣ и правдѣ жизни, (о такихъ же, которые рѣшили и говорятъ, что рѣшили, мы въ данной статьѣ не говоримъ вовсе), дѣлаютъ цѣлый рядъ абсолютныхъ утвержденій и въ области теоріи и въ области практики, т. е. и логическихъ утвержденій и моральныхъ.

Скажемъ сначала о первыхъ:

Они говорятъ, что своей теперешней работой они *готовятъ* то будущее, въ которомъ человѣкъ сможетъ найти полный смыслъ своей жизни. Но вѣдь для того, чтобы слово „готовить“ было наполнено реальнымъ содержаніемъ, а не было бы словомъ пустымъ, необходимо, чтобы подготовка была *дѣйствительной* подготовкой, нужно знать тѣмъ дѣйствительнымъ знаніемъ, которое есть знаніе абсолютное, что подготовка эта не есть что-нибудь противоположное. Для этого нужно знать, что подготовка эта, дѣйствительно, ведетъ къ тому, подготовкой чего она хочетъ явиться. Значить, должно—быть извѣстнымъ, что тѣ формы дѣятельности, въ которыхъ выливается теперь подготовленіе будущаго, есть дѣйствительный *путь* къ этому будущему. Этотъ путь не широкая торная дорога, признанная всѣми и никѣмъ не оспариваемая.

Соціалисты—революціонеры считаются социалдемократіей „*буржуазно-демократической*“ партіей,—т. е. такой партіей, которая вовсе не ведетъ человѣчество къ социализму. Анархисты считаютъ, что социалдемократы ведутъ не къ освобожденію человѣчества, а къ новому рабству. Причемъ и среди анархистовъ существуютъ рѣзко—различающіеся взгляды на то, что нужно дѣлать теперь для того, чтобы водворить на землѣ идеаль анархіи. Значить, относительно того, что считать дѣйствительной подготовкой къ желательному будущему—идутъ споры среди самихъ представителей

тѣхъ явленій, которыя мы разбираемъ. А разъ этотъ пунктъ является спорнымъ, то обойти его спорность простымъ игнорированіемъ конечно ужъ нельзя. Между многими дорогами, по которымъ предлагаютъ идти различныя партіи, приходится *выбирать*. И даже помимо вопроса о томъ, истинна ли хоть одна изъ предлагаемыхъ дорогъ, если допустить, что истинныя между ними есть, выборъ необходимо произвести на такихъ основаніяхъ, которыя были бы несомнѣнны и объективны, а это значитъ о *правильности одной изъ этихъ дорогъ сдѣлать абсолютное утвержденіе*. Безъ этого выборъ между различными путями можетъ совершаться только наобумъ. Вступать же наобумъ на какой-нибудь изъ этихъ путей, только для того, чтобы „испробовать“, произвести хотя бы рѣшительный „экспериментъ“, — для сколько-нибудь серьезнаго человѣка нельзя потому, что тутъ приходится внутренно давать клятву не задуматься въ случаѣ надобности переступить черезъ трупы и не остановиться передъ пролитіемъ крови.

Вотъ первое абсолютное утвержденіе, которое дѣлается о дѣятельности своей, какъ безусловно вѣрномъ *пути*, ведущемъ къ поставленной цѣли.

Мало этого. Въ этомъ утвержденіи въ замаскированномъ видѣ встрѣчается такое же утвержденіе и о другомъ. Для того, чтобы сказать, что избранный путь дѣйствительно вѣренъ, для этого нужно знать хоть отчасти, хоть въ нѣкоторомъ отношеніи то, къ чему онъ ведетъ. Причемъ знать не гадательно, а навѣрное, не относительно, а безусловно. Ибо безъ этого, т. е. не зная навѣрное, къ *чему* этотъ путь ведетъ, я никогда не смогу сказать, что я избраннымъ мною путемъ дойду туда, куда мнѣ дѣйствительно нужно дойти. Я долженъ знать, что то, чего я хочу, находится, дѣйствительно, тамъ, куда я иду. Но знать это—это значитъ дѣлать нѣкоторыя утвержденія о самой *цѣли* моего пути. Если взглядѣться внимательно, эти утвержденія можно представить въ такомъ видѣ: Если я смыслъ своей жизни полагаю въ томъ, что всѣ свои силы и всего себя отдаю той дѣятельности, которая должна приблизить къ человѣческому наступленію социализма или анархизма, и этотъ смыслъ теперь еще не раскрывается (ибо условія, при которыхъ раскроется онъ, только подготовляются), то очевидно, я долженъ знать, что

уничтоженіе частной собственности, обобществленіе орудій производства или прекращеніе власти человѣка надъ человѣкомъ, *необходимо и непремѣнно* приведетъ человѣчество въ то—состояніе, когда смыслъ жизни раскроется самъ, или во всякомъ случаѣ тогда наступятъ наиболѣе *благопріятныя* условія изъ мыслимыхъ, для того, чтобы смыслъ этотъ раскрылся. Въ первомъ случаѣ, т. е. въ представленіи, что смыслъ жизни тогда раскроется самъ,—дѣлается утвержденіе явно абсолютнаго характера. Никакая наука, никакое сужденіе, основанное на опытѣ, всегда относительномъ, не можетъ утверждать что-нибудь о смыслѣ жизни; потому что смыслъ жизни—это нѣчто такое, что полно абсолютнымъ и безотносительнымъ; если жъ Вы скажете, что эта увѣренность покоится не на опытѣ относительномъ, а безусловномъ, что Вы знаете навѣрняка, что Вы чувствуете, какъ нѣчто абсолютное, достовѣрное то, что смыслъ жизни раскроется, когда человѣчество экономически освободится, что еслибъ Васъ стали пытать самыми страшными пытками, стали бы бросать въ тюрьмы, въ сто разъ болѣе ужасныя, чѣмъ сажаютъ теперь, то Вы приняли бы всѣ мученія и не отказались бы отъ основного своего убѣжденія—настолько увѣренность Ваша велика, то на это можно сказать только одно. О положительной, моральной и религіозной сторонѣ этой увѣренности я сейчасъ говорить не буду; но съ точки зрѣнія философской нужно признать, что увѣренность эта явно мистическаго характера. Ея абсолютности не могутъ оправдать никакія эмпирическія соображенія, ея коренная слабость и недостаточность заключается въ томъ, что для человѣка, сколько-нибудь критически къ себѣ относящагося,—нельзя соединять эту мистическую увѣренность съ теоретическимъ міровоззрѣніемъ, которое всякую мистическую увѣренность считаетъ въ лучшемъ случаѣ за бредъ и фантазію. Быть послѣдовательнымъ и принять тѣ слѣдствія, которыя вытекаютъ изъ принципиальной допустимости какой-нибудь мистической увѣренности — это значитъ отказаться отъ міровоззрѣнія, мистики недопускающаго; но тогда и представленія о томъ, какія объективныя условія необходимы для того, чтобы смыслъ жизни раскрылся — должны принять совершенно иныя формы.

Съ виду болѣе скромно поступаютъ тѣ, кто говоритъ, что

осуществленіе социализма создастъ наиболѣе *благопріятныя* изъ мыслимыхъ *условія* для раскрытія и отысканія смысла жизни. Но это только съ виду. Тутъ скромность только въ словесномъ выраженіи, а сущность утвержденія остается та же. Если внѣшнія условія, которыя принесетъ съ собой социализмъ или анархизмъ, будутъ *подлинно* наиболѣе благопріятными изъ мыслимыхъ для раскрытія смысла жизни, тогда необходимая и безусловная связь между этими условіями и раскрытіемъ смысла жизни устанавливается такъ же необходимо и безусловно, какъ и въ утвержденіи, что осуществленіе социализма раскроетъ самый смыслъ жизни, а не будетъ только благопріятнымъ условіемъ для раскрытія его.

Отдаваясь социализму или анархизму, я долженъ знать, что осуществленіе ихъ *непремѣнно и необходимо* приведетъ или по крайней мѣрѣ реально приблизитъ къ раскрытію смысла жизни. Мнѣ недостаточно здѣсь одной только вѣроятности хотя бы и очень большой. Передо мной масса жизненныхъ дорогъ и масса влеченій, которыя тянуть меня въ самыя различныя стороны. Почему все я долженъ забыть, всѣ другіе пути оставить и отдаться всею душой осуществленію социализма, если я не знаю навѣрное, что социализмъ непремѣнно приведетъ къ тому раскрытію смысла жизни, котораго я ищу? А если я скажу, что онъ навѣрное связанъ съ раскрытіемъ смысла жизни, то вотъ второе абсолютное утвержденіе, которое мнѣ придется сдѣлать о социализмѣ, какъ *о цѣли*, достойной того, чтобы къ ней была направлена вся моя дѣятельность.

Есть еще одна возможность, которую могутъ использовать люди, желающіе избѣгать какихъ бы то ни было обязательствъ передъ логикой и общимъ теоретическимъ міросозерцаніемъ. Осуществленіе социализма не приведетъ къ раскрытію смысла жизни потому, что смысла этого *вообще и нѣтъ*. Я оставляю пока открытымъ вопросъ, возможно ли отдаваться социализму или анархизму безъ положительнаго разрѣшенія вопроса о томъ, что въ осуществленіи ихъ раскрывается смыслъ моей жизни, или смыслъ жизни всего человѣчества, а теперь только установлю одно. Я долженъ сейчасъ же, всѣ теперь, не откладывая въ будущее, рѣшить окончательно и безусловно, что какого-то высшаго,

особаго смысла въ жизни нѣтъ, для того, чтобы потомъ имѣть право игнорировать всякіе вопросы объ этомъ смыслѣ. Но вѣдь такое рѣшеніе, несмотря на то, что оно отрицательное, все равно носитъ абсолютный характеръ. Сказать о какой-нибудь вещи, что ея дѣйствительно и безусловно *нѣтъ*—это значитъ произнести такое же абсолютное сужденіе, какъ и сказать, что вещь эта дѣйствительно, подлинно *есть*. Но права произнести такое сужденіе у тѣхъ, кто принципиально хочетъ отдѣлаться отъ мировоззрѣнія, въ которое введены какіе-нибудь абсолютные моменты—быть не можетъ. Такимъ образомъ даже для отрицательнаго рѣшенія вопроса о связи между осуществленіемъ социализма или анархизма и раскрытіемъ смысла жизни потребенъ рядъ абсолютныхъ утвержденій.

Но и этого мало. Утвержденіе о правильности избраннаго пути,—утвержденіе о правильности той цѣли, къ которой путь этотъ ведетъ—находятся въ логической зависимости отъ одного утвержденія, уже болѣе общаго характера, безъ котораго они теряютъ всякій смыслъ. Когда Лавровъ говорить, что социалистическій строй „будетъ продолжать путь человѣчества къ прогрессу—такъ, какъ *этотъ путь шелъ до сихъ поръ*“,—то это не случайное выраженіе, не простая обмолвка, которую можно устранить болѣе точной формулировкой. Нѣтъ, утвержденіе о томъ, что прогрессъ *совершается*, что человѣчество развивается въ поступательномъ направленіи, что исторія движется впередъ, а не ползетъ неизвѣстно куда, въ какую-то расплывчатость и неопредѣленность,—это утвержденіе и для социализма и для анархизма является *основнымъ* и такимъ, безъ котораго немислима никакая плановѣрная и сознательная работа. Если этого нѣтъ, что по-ручится мнѣ, что процессъ въ направленіи экономическаго и социальнаго освобожденія, усиливавшійся въ наше время, дойдетъ непременно до своего конца, будетъ развиваться и въ будущемъ, и не ослабѣетъ и не замретъ окончательно въ какомъ-нибудь XXI или XXII столѣтіи? Если я сужу объ этомъ на основаніи того, что *прошлое* гарантируетъ, что начинавшіеся глубокие процессы въ человѣчествѣ всегда проходили весь путь своего развитія и развивались до своего конца, то спрашивается, *почему* же прошлое можетъ ручаться за то, что произойдетъ въ будущемъ? На это *почему* можетъ

быть только одинъ отвѣтъ: это не *случайность*, что начинавшійся процессъ въ прошломъ развивался и приходилъ къ своему концу—это *законъ* человѣческой жизни. Но если сказать, что прогрессъ не только фактически есть, но является даже закономъ человѣческой жизни,—то вѣдь это все такія капитальнѣйшія утвержденія и характера самаго безусловнаго, которыя обязываютъ очень и очень ко многому. Опять таки скажу: не касаясь сейчасъ вопроса, *какая* именно философія абсолютная и метафизическая скрывается за подобными утвержденіями,—только констатирую фактъ: планомерная работа въ направленіи осуществленія социализма или анархизма имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если въ исторіи человѣчества совершается прогрессъ, а сказать, что прогрессъ этотъ дѣйствительно совершается—это значитъ сдѣлать о жизни человѣческой нѣкоторое абсолютное утвержденіе.

Это *третье* абсолютное утвержденіе, которое приходится дѣлать людямъ, практически отдающимся социалистической дѣятельности.

II.

Теперь я постараюсь выяснитъ отношенія социализма къ этической проблемѣ, и покажу, что социализму и въ области морали приходится шагать черезъ рядъ абсолютныхъ утвержденій, которыя еще болѣе даютъ христіанству право произвести критику социализма съ точки зрѣнія не относительной, а абсолютной.

Есть въ социализмѣ цѣлое теченіе—ревізіонистское, связанное съ именемъ Бернштейна, которое старается социализмъ соединить съ этикой Канта и на фундаментѣ материалистической социологіи обосновать самозаконную дѣятельность „практическаго разума“. Даже ортодоксальный марксистъ Отто Бауэръ въ статьѣ „марксизмъ и этика“ склоняетъ свои симпатіи въ эту сторону и Каутскій, разбирая эту статью, называетъ ее „продуманной, послѣдовательной и весьма симпатичной“. Во французскомъ и англійскомъ социализмѣ, особенно болѣе ранней, утопической формации, связь съ этикой устанавливается еще болѣе тѣсная и близкая. Въ католическомъ, евангелическомъ и христіанскомъ социализмѣ дѣлаются попытки связать социализмъ даже съ

моралью христіанской. Обо всѣхъ этихъ попыткахъ соединить социализмъ съ той или иной этикой—не органически, а по нашему мнѣнію *механически*, намъ придется говорить по существу въ дальнѣйшемъ, когда проблемы социализма мы будемъ разбирать не критически, а положительно.

Теперь же я хочу сдѣлать другое.

Есть люди, которые чувствуютъ, что со стороны этики социализму грозитъ большая опасность. Вѣдь этика, если въ ней хорошо покопаться, имѣетъ какую-то загадочную связь съ религіей, ужъ хотя бы тѣмъ, что всегда тянетъ человѣка въ сторону абсолюта, а религія—это ужъ нѣчто сродни христіанству, которое непремѣнно ассоціируется съ застоємъ и намѣреннымъ держаніемъ низшихъ классовъ въ невѣжествѣ для лучшей эксплуатаціи ихъ и для господства надъ ними. Поэтому отъ этики лучше держаться подальше—если можно, знакомства съ нею не водить совершенно. Возникаетъ вопросъ: возможно ли это? И на этотъ вопросъ мнѣ нужно отвѣтить раньше, чѣмъ перейти къ изслѣдованію по существу, потому что если социализмъ можетъ дѣйствительно освободиться отъ всякой этики, тогда христіанство не вправѣ обратиться къ нему съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, которые, по моему мнѣнію, оно должно непремѣнно ему поставить. Отвѣтить на этотъ вопросъ мнѣ кажется тѣмъ болѣе важнымъ, что такимъ путемъ можно обрисовать логическіи остоы проблемы отношенія социализма къ этикѣ.

Представлять ли социализмъ чѣмъ-то такимъ, что надвигается на человѣчество съ стихійной необходимостью, что *будетъ*, несмотря ни на что, несмотря ни на какія препятствія, ему воздвигаемыя, потому что имманентные законы экономическаго развитія приведутъ къ социализму съ такой же неизбѣжностью, съ какой химическіе законы приводятъ къ образованію новыхъ соединеній и разложеній,—или наоборотъ, считать, что для того, чтобы осуществить социализмъ, нужны еще массы жертвъ, колоссальная сумма самоотверженности и безкорытнаго альтруизма—и что если это безкорыстіе и эти жертвы не будутъ явлены человѣчествомъ, то самая возможность осуществленія социализма ставится *подъ вопросъ*,—все равно предъ индивидуальной совѣстью вопросъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ стоитъ *одинаковый*.

Почему въ первомъ случаѣ и я долженъ присоединить свой голосъ къ торжествующему и все растущему хору безчисленныхъ голосовъ „прогрессирующаго“ человѣчества? *Почему* во второмъ случаѣ и я долженъ принять участіе въ общей жертвѣ и понести свою любовь сюда, а не куда-нибудь въ другое мѣсто?

Между мной и процессомъ осуществленія социализма лежитъ цѣлая пропасть, пропасть всегда раздѣляющая субъекта отъ объекта. Черезъ эту пропасть можетъ быть перекинутъ мостъ лишь въ томъ случаѣ, если въ объектѣ, т. е. въ этомъ процессѣ я найду господствующими тѣ элементы и тѣ духовныя цѣнности, которыми живетъ моя душа, или наоборотъ если во мнѣ будутъ живы и преобладающи тѣ элементы, которые являются характерными для этого процесса.

Этимъ намѣчается *объективная* сторона моральнаго вопроса, поднимающагося при такой постановкѣ дѣла. Объектъ, т. е. процессъ осуществленія социализма долженъ быть наполненъ тѣмъ содержаніемъ, которое внутренняя оцѣнка совѣсти моей признаетъ дѣйствительно достойнымъ и безусловно цѣннымъ. Между объективными опредѣленіями того *блага*, которое является цѣлью моихъ моральныхъ стремленій (и которое я, значитъ, вижу заключающимся въ этомъ процессѣ, если этотъ процессъ дѣлаю цѣлью моихъ стремленій), должно быть полное и безусловное соотвѣтствіе съ субъективными запросами моей индивидуальной совѣсти. Это требованіе—категорическое, и если оно не выполняется, я не могу съ правомъ, съ чистой совѣстью устроить *моральный* переходъ отъ субъекта къ объекту, а могу только насильно *психологически*, съ подавленіемъ своихъ нравственныхъ запросовъ, втиснуть въ себя и сдѣлать своимъ объектъ, внутренне-чуждый и не родной мнѣ.

Но есть и другая сторона: субъективная.

Нѣтъ такихъ людей, у которыхъ гармонія между ихъ личными стремленіями съ одной стороны и требованіями общественнаго долга съ другой стороны была бы настолько полная, настолько безусловная, чтобъ у нихъ *никогда* бы не было разлада между тѣмъ и другимъ. Даже у самыхъ высокихъ и цѣльныхъ натуръ есть минуты, часы, дни колебаній, нерѣшительности, борьбы съ собой, незнанія, куда итти: вправо или влѣво, незнанія даже и того, нужно ли *куда-*

нибудь итти. И въ минуты этой нерѣшительности (минуты—это у духовно-высокихъ людей, а у среднихъ цѣлые годы и часто лучшіе годы), когда съ полной обнаженностью встаетъ вопросъ, *долженъ* ли я что-нибудь дѣлать, или не долженъ, всякія соображенія внѣшнія кажутся совершенно ничтожными и ненужными. Только если я почувствую и сознаю *долгъ*, лежащій на мнѣ, если я увижу, что мое нежеланіе поступить такъ, а не иначе, есть нарушеніе такой *нормы*, которая нарушена быть не можетъ и не должна, только тогда я смогу освободиться изъ подъ власти разнорѣчивыхъ и тянущихъ въ разныя стороны эмпирическихъ соображеній и мотивовъ и итти, не сворачивая, по прямой линіи туда, куда мнѣ нужно итти. И никакой социализмъ устранить этотъ этический моментъ не вправѣ морально и не можетъ фактически. Всякія попытки въ этомъ направленіи нужно признать неудачными и приводящими къ безысходнымъ внутреннимъ противорѣчіямъ. Наиболѣе сильное отрицаніе *нормъ*,—*всяческихъ нормъ*, въ томъ числѣ и моральныхъ,—мнѣ пришлось встрѣтить не въ „литературѣ“, въ которой самыя острые вопросы словесно обойти всегда легче, а въ разговорѣ двухъ лицъ, который я запомнилъ почти дословно и приведу цѣликомъ, не измѣняя въ немъ ничего.

Разговоръ активно вели социалдемократъ и христіанинъ.

На утвержденіе, что безъ *нормъ* обойтись невозможно, и что для сознательнаго человѣка безусловно необходимо сознать конечныя цѣли, къ которымъ приведетъ теперешняя работа, социалдемократъ, прорвавшись отъ нетерпѣнія, рѣзко сказалъ;

„Въ домѣ пожаръ. Подо мной горить. Я вскакиваю обожженный, судорожно кашляю отъ дыма и духоты. А эти спокойные критики начинаютъ вопрошать: „какой смыслъ въ его движеніяхъ? Приведутъ ли они къ окончательной цѣли? Чего онъ вскочилъ? Чего онъ судорожно кашляетъ? Чего онъ бьетъ стекла?“ Да оттого вскочилъ, что меня жжетъ, (поймите, жжетъ!) оттого кашляю, что кругомъ меня дымъ, оттого бью стекла, что стихійно хочу воздуха! И безъ всякой окончательной цѣли! Просто нутромъ знаю, что за окномъ воздухъ и бьюсь и рвусь къ нему—стоитъ что-нибудь по пути—опрокидываю. Мы, не думая, дѣйствуемъ, не разсуж-

дая протестуемъ. Протестуемъ противъ всего, что давить, что тѣснить, что затрудняетъ дыханіе. Давить политическій строй, прочь его—оружіемъ, бомбами, возстаніемъ—только прочь. Давить экономическій строй—прочь и его. Намъ не нужно ни логики, ни этики. Мы дѣйствуемъ стихійно и не нуждаемся ни въ какихъ оправданіяхъ, ни въ какихъ умствованіяхъ. А для васъ дѣйствительность не пожаръ. Васъ она не жжетъ и не мучитъ. Вы съ ней въ прекраснѣйшихъ отношеніяхъ!..

Христіанинъ на это сказалъ.

— „Кого жжетъ дѣйствительность больше — васъ или насъ—это вопросъ, который лучше не трогать. Вы не смѣете говорить того, что сказали, если вы не знаете всей глубины нашихъ страданій. Затемнять чувствомъ вопросы разума—это столь же преступно, какъ и теоретизировать въ то время, когда нужны непосредственныя чувства и цѣльныя дѣйствія. Вы сказали: я стихійно рвусь къ воздуху и бью оконныя стекла—но вѣдь я ставлю подъ вопросъ не то, нужно ли бить стекла, *если* за окномъ находится чистый воздухъ, а то, *будетъ ли* чистый воздухъ за тѣмъ, что вы сейчасъ разбиваете. Но дѣло не въ этомъ. Вы сказали къ темъ нашего разговора, что вы не нуждаетесь ни въ этикѣ, ни въ логикѣ. Отвѣтите же мнѣ на рядъ вопросовъ. Скажите прежде всего. Если оправданія вашихъ дѣйствій не нужны вамъ, то вѣдь они нужны тѣмъ, кто стоитъ въ сторонѣ и не знаетъ, присоединиться ли къ вамъ или нѣтъ. Убѣждая ихъ, должны же вы обратиться къ нимъ съ аргументами объективнаго характера и значить вы нуждаетесь въ логикѣ, точно такъ же и въ этикѣ.

Соціалдемократъ.—Ничего подобнаго. Мы обращаемся не къ словесникамъ и совопросникамъ, а къ людямъ, реально придавленнымъ и страдающимъ, и говоримъ: вотъ что васъ давить; соединитесь, освободитесь. Мы только доводимъ до сознанія то, что скрыто уже въ нихъ есть.

Христіанинъ.—Доводите до сознанія—выясненіемъ причинъ ихъ бѣдствій, а это безъ логики и аргументаціи объективнаго характера абсолютно невозможно.

Соціалдемократъ.—Но логика — тутъ только средство. И еслибъ тѣхъ же результатовъ можно было достигнуть не правильнымъ употребленіемъ, а злоупотребленіемъ логики,—

то мы бы ею злоупотребляли самымъ спокойнымъ образомъ потому что сама по себѣ она намъ совершенно не нужна. Въ каждомъ человѣкѣ подъ верхнимъ слоемъ индивидуальнаго сознанія дремлетъ могучая бессознательная *классовая* психологія, которая и является собственно рѣшающей. Минувя верхній слой—мы обращаемся къ основѣ. Для этого логики не нужно.

Христіанинъ. Расти социалистическое движеніе безъ участія интеллигентныхъ силъ не можетъ. Можете ли вы вербовать себѣ сторонниковъ среди интеллигенціи,—основываясь лишь на ихъ *классовой* психологіи? Вѣдь *классовая* ихъ психологія—тянетъ совсѣмъ въ другую сторону,—заставляетъ ихъ стать въ оппозицію—социалистическому движенію. Значить, привлекать ихъ вы можете, подавляя въ нихъ *классовую* психологію и дѣйствуя лишь на верхній слой, на ихъ *индивидуальное* сознаніе, для котораго имѣютъ цѣну аргументы только дѣйствительно объективнаго характера и употребленіе логики не какъ средства, а какъ чего-то самоцѣльнаго. Значить, проблема: доказать объективную истинность вашего міровозрѣнія—стоитъ передъ вами точно такъ же, какъ и передъ всѣми смертными.

Соціалдемократъ. Ничего намъ не нужно доказывать. *Реальный* процессъ исторіи выдвигаетъ и формируетъ борцовъ. Слова и *сознательныя* убѣжденія тутъ не причемъ.

Христіанинъ. Но вы поймите, что есть люди, которые сознаниемъ поступиться не могутъ. Они могутъ дѣлать лишь то, что сознательнымъ убѣжденіемъ ихъ признаютъ за истину.

Соціалдемократъ. Такихъ и не нужно. Съ такими намъ дѣлать нечего. Мы обращаемся къ другимъ.

Христіанинъ. А съ этими что же?

Соціалдемократъ. Ничего. Станутъ мѣшать—будемъ насильно устранять,—а не станутъ, такъ постепенно устранятся самимъ ходомъ исторіи. Исторія идетъ въ направленіи вырожденія этихъ старыхъ типовъ и народненія людей новаго душевнаго склада, свободныхъ и отъ логики и отъ этики.

Христіанинъ. Право, вы просто думать не хотите! Скажите, пока тамъ будетъ социалистическій переворотъ—вѣдь, можетъ, не одно поколѣніе пройдетъ, значить *лично* вы въ немъ не заинтересованы. А между тѣмъ вы сейчасъ подвергаетесь опасности, рискуете, трудитесь самоотверженно. Вѣдь

все для другихъ, не для себя собою жертвуете. Какъ же тутъ безъ нравственныхъ побужденій, безъ логики?

Соціалдемократъ. Очень просто. Поступать иначе я органически не могу. У васъ *природа* разсуждающая и вопрошающая, а у меня дѣйствующая и протестующая. Вотъ и все.

Христіанинъ. Но вѣдь вамъ отъ личнаго счастья приходится отказываться.

Соціалдемократъ. Ничуть. Въ этомъ пути все мое счастье и единственно возможное для меня счастье. Я дѣйствую эгоистически.

Христіанинъ. Вы любите культуру, искусство?

Соціалдемократъ. Люблю.

Христіанинъ. Но вѣдь вамъ приходится отъ нихъ аскетически отвергиваться.

Соціалдемократъ. Не аскетически, но отвергиваться и *пока*.

Христіанинъ. Это жъ для васъ лишеніе!

Соціалдемократъ. Нисколько.

Христіанинъ. Вѣдь вы сказали, что искусство, напр., любите.

Соціалдемократъ. Да, но красота красотъ разнъ. Одна—блѣдная, худосочная, мертвая, которая культивируется вашимъ искусствомъ,—этого намъ не нужно; другая—живая, реальная, сильная,—которая открывается въ реальныхъ отношеніяхъ между собой тѣхъ, кто работаетъ вмѣстѣ съ нами—въ жизни, посвященной борьбѣ. Этой мы живемъ.

Христіанинъ. Вы все не отвѣчаете на вопросъ, а обходите. Вы говорите: органически не могу поступать иначе. Ну, значить вы до такого совершенства достигли, что у васъ самая природа стала моральной. По самой природѣ вы реагируете на все окружающее нравственно,—но значить ли это, что это реагированіе, будучи органическимъ, перестаетъ быть отъ этого нравственнымъ? А разъ не перестаетъ, то значить вы нисколько не освобождаетесь отъ этики вообще, а только придерживаетесь своей особой, истинность которой вовсе не самоочевидна и требуетъ доказательствъ. Это разъ. А два то, что я не могу повѣрить никакъ въ абсолютную цѣльность и органичность вашихъ поступковъ. И у васъ есть колебанія, есть вопросы—есть слабыя минуты. Вы можете о нихъ не говорить—это допустимо, но чтобы ихъ совсѣмъ не было,—это по меньшей мѣрѣ сомнительно. А разъ есть, то опять-таки этическая проблема о конкретно-должномъ по-

веденіи стоитъ передъ вами такъ же, какъ и передъ всѣми. Вы закрываете глаза и достигаете этимъ одного: *вы* перестаете видѣть,—но проблема остается въ прежнемъ своемъ видѣ.

Соціалдемократъ. Вы ничего не понимаете. Уразумѣйте хоть психологически! Никакихъ проблемъ, никакихъ нормъ, никакихъ схемъ мнѣ абсолютно не нужно. Для меня—они лишній балластъ. Я—самъ себѣ законъ. Я дѣйствую изнутри—тихийно. Подымается порывъ—могучій, безудержимый и я ему отдаюсь. Это жизнь, это правда, а все другое—подмѣна.

Христіанинъ. Но порывъ этотъ внутреннюю опредѣленность имѣетъ?

Соціалдемократъ. Нѣтъ.

Христіанинъ. Значитъ, вы отдаетесь ему только потому, что онъ порывъ?

Соціалдемократъ. Потому что не могу не отдаться.

Христіанинъ. Но если васъ охватитъ плотское животное вождѣленіе,—то вы и ему отдадитесь,—потому что это тоже „порывъ“?

Соціалдемократъ. А вотъ же *не охватываетъ.*

Христіанинъ. Хорошо, васъ, а *другихъ?*

Соціалдемократъ. Какой вы, право, коллега, забавный. Вы все на моемъ мѣстѣ воображаете *себя*. Вы думаете, что я долженъ построить теорію, обязательную для всѣхъ. А я принципиально противъ всякой теоріи.

Христіанинъ. Но чѣмъ вы тогда отличаетесь отъ человѣка, который дѣлаетъ пакость за пакостью, живетъ въ свое удовольствіе, давить другихъ и говорить „я буду смѣлымъ, я такъ хочу“. Въ чемъ его неправота по вашему? И онъ правъ. И онъ самъ себѣ законъ! Въ чемъ разница?

Соціалдемократъ. Разница въ томъ, что на такихъ людей жизнь, реальный историческій процессъ, спроса не предъявляетъ. Такіе люди не нужны. А мы нужны. Вотъ и разница.

Христіанинъ. Жизнь? Какая жизнь? Смотрите, какъ вы проговариваетесь. Вѣдь обычная жизнь, эмпирически данная дѣйствительность предъявляетъ наибольшій спросъ на мошенниковъ, подлецовъ—и покровительствуетъ только ищущимъ паспортъ совѣстности. Значитъ, вы говорите о другой жизни, ибо не эта жизнь требуетъ васъ, а та, которой нѣтъ, но которая *должна* быть, жизнь эта новая и прекрас-

ная и торжественная, которая стоитъ усиліи борьбы и личныхъ жертвъ. Вы не хотите называть словами, но вѣдь это и есть *норма*. Вы боретесь за норму, съ чѣмъ васъ и поздравляю. Странное дѣло: въ настроеніи у васъ послѣдовательность, которая приводитъ васъ вплотную—до соприкосновенія съ *религіей*. Въ теоріи же какой-то хаосъ противорѣчій. Одно исключаетъ другое. И вы посмотрите, сколько сдѣлали вы утвержденій самаго объективнаго характера: вы сказали „исторія идетъ въ направленіи вырожденія староготипа“—вѣдь это цѣлая философія исторіи, необходимо предполагающая возможность объективнаго познанія, т. е. познавательныхъ нормъ. Вы говорите: реальный историческій процессъ предъявляетъ спросъ на васъ. Опять утвержденіе, предполагающее возможность объективнаго познанія настоящаго положенія вещей. Какъ же при этомъ отрицать нормы?

Соціалдемократъ. Съ вами не договорисься. Повторяю, мнѣ плевать на всѣ противорѣчія и теоріи. *Всякая идеологія—надстройка. Въ томъ числѣ и моя*. Съ васъ довольно?

Христіанинъ. Да. Тогда я пассъ. Впрочемъ еще вопросъ: ваше послѣднее утвержденіе: „всякая идеологія—надстройка“—тоже надстройка или же составляетъ исключеніе и является объективно-истиннымъ?

Соціалдемократъ.—*Надстройка*.

Изъ этого разговора, имѣющаго принципиальный и логическій характеръ, а не только психологическій, ясно, что отрицаніе всякихъ нормъ вообще и моральныхъ въ частности приводитъ къ безысходнымъ внутреннимъ противорѣчіямъ. А эти противорѣчія являются тѣмъ состояніемъ, въ которомъ ничего нельзя утверждать положительно. Не утверждая же положительной цѣнности и положительнаго значенія за моей работой, я никогда не могу осмыслить ее и сказать, что она имѣетъ бѣльшій объективный смыслъ и бѣльшее значеніе, чѣмъ работа какого-нибудь столоначальника въ абсолютно-бюрократическомъ механизмѣ эпохи Николая I. Но тогда въ минуту конфликта, когда ни одно изъ эмпирическихъ соображеній не можетъ опредѣлить мою волю рѣшительнымъ образомъ, когда я борюсь, обуреваемый массой самыхъ противоположныхъ стремленій, міровоззрѣніе, въ которомъ нѣтъ мѣста *нормамъ*, оставляетъ меня на произволъ судьбы и не можетъ уже мною руководить.

Въ такомъ случаѣ теоретическое міровоззрѣніе социалдемократіи можетъ быть годнымъ только въ органическія эпохи, въ мирныя благоденственныя времена, когда можно работать въ партіи, не поступаясь собою, когда дѣятельность въ союзахъ или борьба въ парламентѣ совпадаетъ съ моими личными интересами. Такъ дѣло обстоитъ въ Германіи. Когда же наступаетъ время логики, революціи, когда вмѣстѣ съ этимъ получается полная невозможность эмпирически предъусмотрѣть, что работа въ социалдемократическомъ направленіи дѣйствительно совпадаетъ съ моею личной выгодой, когда предъявляется жизнью спросъ на людей, которые умѣли бы прежде всего *жертвовать* и совершенно забыть о себѣ,—тогда съ особенной ясностью обнаруживается недостаточность социалдемократическаго міровоззрѣнія, отрицающаго высшія моральныя нормы, не умѣющаго принципиально понять и оцѣнить смыслъ жертвы и самоотверженныхъ дѣйствій. И если въ дѣйствительности, напр., въ совершающейся теперь русской революціи социалдемократія выставляетъ достаточно людей, умѣющихъ собою жертвовать и вопреки своимъ личнымъ интересамъ самоотверженно служить общему дѣлу,—то это доказываетъ только одно. Люди эти только головой социалдемократы, только мозгомъ своимъ исповѣдуютъ теоретическій эгоизмъ, а сердце, душа ихъ проникнуты тѣмъ этическимъ идеализмомъ, который живетъ только должнымъ, только высшими нормами и ничего общаго съ социалдемократическимъ міровоззрѣніемъ не имѣетъ.

Это начинаютъ понимать даже ортодоксальные марксисты. Въ упоминавшейся уже статьѣ Бауэръ приводитъ такой примѣръ.

Стачка. Рабочій X. доведенъ съ семьей до голода. Фабрикантъ предлагаетъ ему мѣсто. Но, принявъ это мѣсто, онъ явится нарушителемъ стачки. Не принявъ же, онъ обрекаетъ себя,—жену и дѣтей на голодную смерть. Что ему дѣлать? Въ сомнѣніяхъ онъ приходитъ къ Бауэру, съ просьбой въ чемъ-нибудь убѣдить. Бауэръ начинаетъ прежде всего убѣждать его, что онъ поступитъ наперекоръ собственнымъ интересамъ, принимая предлагаемое мѣсто, потому что товарищи станутъ презирать его и засмѣютъ. Но рабочему X. такая перспектива въ сравненіи съ голодной смертью кажется пустяками. Видя, что это не беретъ, Бауэръ начи-

наетъ аргументировать страницами изъ „этики“ Каутскаго. Онъ говоритъ, что, нарушая стачку, рабочій X. противодѣйствуетъ интересамъ своего класса, которые являются *истинными* интересами и его, и его семьи. Но для рабочаго X. эта „истинность“ слишкомъ опровергается тѣмъ, что у него дѣлается въ желудкѣ. И Бауэръ приводитъ новую страницу изъ Каутскаго. Онъ говоритъ, что рабочій, нарушая стачку, поступаетъ безнравственно, потому что даже „у нѣкоторыхъ видовъ среди животныхъ, общественное объединеніе является орудіемъ въ борьбѣ за существованіе“. Рабочій X. на этотъ аргументъ можетъ только улыбнуться. Какое ему въ самомъ дѣлѣ дѣло до того, что дѣлается у животныхъ? Тогда Бауэръ беретъ самый сильный аргументъ, имѣющійся въ марксизмѣ. Онъ говоритъ: этика пролетаріата осуждаетъ нарушение забастовки. А пролетаріату принадлежитъ будущее. Онъ *неизбѣжно* побѣдитъ. Но рабочій X. и на это можетъ отвѣтить. Тѣмъ лучше. Пролетаріатъ *все равно* побѣдитъ; такъ я спокойно могу принять предложеніе.

Тогда только Бауэръ догадывается, что съ „этикой“, въ которой нѣтъ мѣста *нормамъ*, тутъ ничего не подѣлаешь, и чувствуетъ необходимость прибѣгнуть къ Канту. „Критика практическаго разума“, валявшаяся доселѣ у него безъ употребленія, находитъ свое примѣненіе. Ученіе Канта признается имъ не бесполезнымъ. „Оно—послѣдняя опора, на которую мы ссылаемся, какъ только этическій скептицизмъ препятствуетъ наивной нравственной опѣнкѣ классовыхъ максимъ, открытыхъ наукой“. (Стр. 73). Рабочій X., колебаній котораго не могла побѣдить „этика“ Каутскаго, долженъ покорно склониться передъ категорическимъ императивомъ Канта.

Каутскій въ отвѣтной статьѣ высказываетъ справедливое сомнѣніе: врядъ ли рабочій X., не убѣждавшійся страницами изъ „этики“ Каутскаго, придетъ въ убѣжденіе, когда Бауэръ ему станетъ читать страницы изъ „Критики практическаго разума“. Я скажу больше. Если рабочій X. стоитъ на почвѣ марксизма, то онъ *не долженъ и не можетъ* удовлетвориться цитатами изъ Канта. Это будетъ насмѣшкой надъ рабочимъ X, если его хотятъ взять не мытьемъ, такъ катаньемъ. Каутскій говоритъ: „для марксиста не существуетъ ничего абсолютнаго, а все относительно“. Это совер-

шенно справедливо, поскольку это выражаетъ то, что марксисты *сами о себѣ думаютъ*. Но если рабочій X. принципиально не допускаетъ никакихъ абсолютовъ и стоитъ твердо на этой почвѣ,—то на основаніи какихъ соображеній онъ можетъ внезапно признать власть Кантовскаго категорическаго императива? Почему онъ, признавая принципиально лишь *относительное*, вдругъ подчинится морали *абсолютнаго* долга? Это было бы съ его стороны столь же нелогичнымъ, какъ если бы онъ, оставаясь марксистомъ, вдругъ подчинился бы какому-нибудь пастору, сказавшему ему, что если онъ нарушаетъ стачку, его ждутъ муки въ загробной жизни. Муки въ загробной жизни—это для марксиста пустяя слова,—но и одинъ голый императивъ Канта, внѣ того идеалистическаго міровозрѣнія, которое его осмысливаетъ и питаетъ—это вѣдь просто бука, домовая, бага-яга, которыми пугаютъ дѣтей, когда они не хотятъ смирно ложиться спать. Но если для марксистовъ подчиняться какимъ-нибудь категорическимъ императивамъ—только непоследовательность, то для самого категорическаго императива являться въ качествѣ буки—роль недостойная и морально невозможная. Какой же въ самомъ дѣлѣ это долгъ, когда о немъ заговариваютъ уже послѣ того, какъ всѣ средства испробованы, когда имъ только пугаютъ, вовсе не желая принять его по совѣсти, т. е. со всѣмъ его дѣйствительнымъ содержаніемъ и со всѣми слѣдствіями, которыя изъ него вытекаютъ? Нѣтъ,—долгъ—это персона гордая и на второе мѣсто согласиться по самому существу дѣла не можетъ. Введенный въ марксистскую теорію, онъ можетъ занять только *первое* мѣсто и потребовать, чтобы всѣ детали марксистскаго міровозрѣнія принесли ему клятву вѣрности, другими словами, чтобы марксизмъ пересталъ быть марксизмомъ. На меньшее долгъ не пойдетъ.

Нѣсколько иную позицію въ отношеніи этическихъ нормъ занимаютъ анархисты—индивидуалисты. Мнѣ необходимо охарактеризовать эту позицію и вскрыть ея теоретическую невозможность.

У Макка въ „Анархистахъ“ Карраръ Обанъ, индивидуалистъ, считаетъ, что единственно последовательной точкой зрѣнія въ вопросахъ морали для анархиста можетъ быть

теоретическій эгоизмъ. Автономная личность, чтобы быть уверенной до конца, должна отказаться отъ подчиненія какому-бы то ни было нормамъ и только себя признать самоцѣлью и единственнымъ закономъ своей жизни. Альтруизмъ долженъ быть превзойденъ. Такія рѣчи приходится слышать не отъ одного Макка. Они часто произносятся и на нашихъ собраніяхъ. Спрашивается, есть ли смыслъ въ этихъ рѣчахъ? Можно ли, оставаясь послѣдовательнымъ, полагать эгоизмъ въ основу общественной теоріи? Постараемся это выяснить.

Прежде всего, если я эгоистъ, какое дѣло мнѣ до осуществленія анархизма, до проведенія въ жизнь идеаловъ безвластія? Почему долженъ я бороться за социальное освобожденіе, если я, будучи эгоистомъ, могу превосходно устроить свою жизнь на чужомъ рабствѣ и на чужихъ страданіяхъ?

На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ.

Мнѣ, эгоисту, непріятно рабство вокругъ меня. Для меня эстетически невыносимы банки, въ которыхъ тысячи служащихъ превращаются въ придатки къ счетамъ, телефонамъ и въ механизмы, путемъ которыхъ владѣльцы банка безстыдно собираютъ тамъ, гдѣ не сѣяли, и жнутъ, гдѣ не копали. Мнѣ противны фабрики, калѣчащія живыя души, противно государство съ своимъ постояннымъ организованнымъ насиліемъ и вотъ всему этому я объявляю войну. Со всѣмъ этимъ вступаю въ борьбу.

Выходитъ какъ будто очень гладкій отвѣтъ. Но спрашивается, (не говоря ужъ о томъ, что не совсѣмъ понятно, почему эгоисту можетъ быть непріятно чужое рабство и убожество чужихъ душъ), если я вступаю въ борьбу съ существующимъ строемъ только потому, что онъ мнѣ непріятенъ, а не потому что разсматриваемый самъ по себѣ онъ подлежитъ уничтоженію, то вопросъ, будетъ ли онъ уничтоженъ при жизни моей, является *рѣшающимъ*. Если бы я боролся за другихъ, тогда вопросъ, при мнѣ ли наступитъ социальное освобожденіе—являлся бы второстепеннымъ. Я борюсь за другихъ; и дождусь ли я праздника—это не важно. Но если я борюсь только изъ-за себя, то я долженъ прежде всего спросить: какой смыслъ для меня въ этой борьбѣ? Анархія и полное освобожденіе при моей жизни все равно

достигнуты не будутъ. Значить объектъ, на который я направляю свои усилія, лежитъ за предѣлами возможнаго для меня. Очевидно поэтому или я самъ долженъ признать подобное занятіе для меня совершенно бессмысленнымъ и не нужнымъ и перестать отдаваться ему—но тогда отпадаетъ въ сторону всякая общественная дѣятельность, или же я долженъ признать, что бороться нужно не для того, чтобы достигнуть чего-нибудь положительнаго, а для самого *процесса борьбы*, безотносительно къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ она можетъ привести. Въ борьбѣ крѣпнеть воля, закаляется личность, и есть захватывающая радость въ сверженіи въ прахъ кумировъ. Все это такъ, но что значить крѣпнеть *воля*? Воля есть *воля чего—нибудь*. Ибо воли, направленной въ пустоту, быть не можетъ. Воля должна непременно имѣть свой объектъ. Что же можетъ явиться объектомъ воли борющагося индивидуалиста? Только онъ самъ. Утверждать онъ можетъ только себя. Объектомъ воли его можетъ быть только самоутвержденіе. Но если такъ, то почему же долженъ бороться именно съ теперешнимъ экономическимъ строемъ? Конечно не потому, что строй этотъ плохъ. Я могу бороться съ нимъ только потому, что нахожу, что самый процессъ борьбы въ борьбѣ за социальное освобожденіе является наиболѣе глубокимъ изъ возможныхъ видовъ борьбы; что тутъ больше всего размаха и шири. Но это—неправда. Развѣ борьба, которую вели такіе титаны духа, какъ Ницше или Брандъ, по своей силѣ, по своему размаху, безотносительно отъ всего содержанія, не безконечно сильнѣе и величавѣ, чѣмъ борьба какого-нибудь анархиста, выбирающаго мишенью своихъ нападеній теперешній экономическій строй? И если дѣло *только* въ борьбѣ, тогда каждый индивидуалистъ долженъ стать Ницше или Брандомъ, сдѣлать личность свою творческой и геніальной, а вовсе не заниматься программами хотя бы самой радикальнѣйшей общественной реформы. Кстати сказать: у творческой личности все должно быть *своо*. Какъ она можетъ имѣть какую-нибудь программу всегда являющуюся среднимъ мѣстомъ, объединяющимъ массы людей? Личность должна творить и свой идеалъ и что же можетъ гарантировать, что массы творческихъ личностей *совпадутъ* въ своихъ идеалахъ? Въдѣ истины объективной, которая могла бы обу-

словить такое свободное совпаденіе, для индивидуалистовъ не существуетъ. А разъ не будетъ совпаденія идеаловъ, то развѣ возможна работа въ одномъ направленіи? другими словами развѣ возможна какая-нибудь общественность?

Кромѣ того: что въ процессѣ будничной экономической борьбы—вовсе не такъ ужъ много размаха и шири, хорошо свидѣтельствуютъ нѣмецкіе профессиональные союзы и исторія социалдемократіи въ Германіи. Что касается первыхъ, то въ нихъ все сѣро, буднично, буржуазно, никакой идейности, никакой окрыленности какими-нибудь идеалами. Одинъ видный социалдемократъ, вынужденно попавшій изъ атмосферы подъема русской жизни въ Берлинъ и изучавшій тамъ спеціально дѣятельность профессиональныхъ союзовъ, говорилъ мнѣ, что онъ прямо задыхается отъ отсутствія въ нихъ жизни. Но если въ нихъ задыхался социалдемократъ, то анархистъ долженъ былъ бы себя чувствовать много хуже.

Мы показали, что люди, желающіе строить общественность на эгоистическомъ индивидуализмѣ, заходятъ въ тупикъ. Почему же сами они этого не замѣчаютъ, если это такъ легко увидѣть со стороны? Сами они не видятъ этого потому, что у нихъ есть одно сокровенное вѣрованіе, наличности котораго они сами не сознаютъ и только случайно для себя самихъ проговариваются. Они вѣрятъ, что если снять всѣ преграды эгоизму, если предоставить возможность личностямъ развиваться во всю полноту своихъ стремленій, причемъ стремленія эти освободить отъ всякихъ нормъ стѣсняющихъ, то въ результатѣ своемъ этотъ эгоистическій индивидуализмъ приведетъ къ полной социальной гармоніи. Это совершенно похоже на то, какъ манчестерцы-либералы вѣрили, что неограниченная свобода конкуренціи приведетъ сама безъ всякихъ планомѣрныхъ усилій общества къ социальному благоденствію всѣхъ частей общественнаго организма. На чемъ основана эта вѣра—мы не знаемъ. Основаній ей эмпирическихъ и научныхъ—мы не видимъ ни одного. Она является результатомъ той мистической увѣренности, о несоединимости которой съ общимъ позитивистическимъ міровоззрѣніемъ мы говорили уже вначалѣ. Но одно несомнѣнно—только такая увѣренность можетъ осмыслить утвержденія индивидуалистовъ, что эгоизмъ можетъ быть положенъ въ основу общественной дѣятельности, и объ этой

увѣренности нѣкоторые анархисты проговариваются очень опредѣленно. Реклю, напр., говорить: наши враги „мало по малу слабѣютъ и умираютъ, тогда какъ *въ насъ расцвѣтаетъ жизнь, благодаря самопроизвольной дѣятельности анархическихъ силъ*“. Вотъ цѣлая метафизика, вотъ сокровенное вѣрованіе: „въ насъ расцвѣтаетъ жизнь, благодаря самопроизвольной дѣятельности анархическихъ силъ“. Безъ этой мистической увѣренности каждый эгоистъ будетъ итти дорогой *своей* и никогда дороги эти не сольются въ общемъ дѣлѣ.

Здѣсь я не буду вдаваться въ разборъ эгоистическаго индивидуализма по существу. Эта задача теоретической философіи. Я здѣсь хочу констатировать только одно. Если индивидуализмъ откажется отъ своего догматическаго вѣрованія, что эгоизмъ каждаго, послѣдовательно проведенный, приведетъ къ гармоніи всѣхъ,—то никакой общественной дѣятельности строить на немъ очевидно нельзя. Если же онъ на этомъ мистическомъ утвержденіи своемъ настаиваетъ и считаетъ поэтому общественность для себя возможной,—то мы можемъ сказать одно: общественность эта будетъ базироваться не на эгоистическомъ индивидуализмѣ, какъ таковомъ, а на томъ мистическомъ утвержденіи, которое изъ теоретическаго эгоизма *вовсе не вытекаетъ*; и потому въ результатѣ: *общественности на эгоизмъ, какъ таковомъ, по-строчно быть не можетъ*.

Не праздное желаніе поддѣть на логическую булавку заставляеть меня искать этихъ утвержденій. Мнѣ это нужно для того, чтобы подготовить почву для серьезнаго изслѣдованія вопросовъ, которые исторія тѣсно связала съ социализмомъ. Мнѣ нужно получить право подвергнуть анализу и критикѣ теорію и практику социализма съ точки зрѣнія тѣхъ конечныхъ и абсолютныхъ идей, которыми живетъ христіанство. Теперь мы знаемъ, что и социализму и анархизму, какъ необходимыя теоретическія предпосылки своей практики, приходится дѣлать рядъ утвержденій, которыя не могутъ не быть абсолютными по логической своей формѣ и метафизическими по своему содержанию. Ибо если эти утвержденія признать относительными и только вѣроятными, тогда какая-нибудь планомѣрная и сознательная работа должна быть признана невозможной. Если я не знаю достовѣрно,

что избранный мною путь ведетъ, дѣйствительно, туда, куда мнѣ нужно, если я не знаю достовѣрно, что осуществленіе социализма, дѣйствительно, *приведетъ* къ раскрытію смысла жизни, наконецъ, если я не знаю, что я, дѣйствительно, *иду въ ногу* съ общимъ прогрессомъ, а не *донкихотствую*, не работаю въ пустую, лишь забавляя и обольщая себя,—я не могу считать социализмъ или анархизмъ *дѣломъ* моей жизни и отдаваться имъ всей душой.

Но право на дѣйствительно достовѣрное, т. е. абсолютное знаніе, путемъ простаго захвата получено быть не можетъ. Оно можетъ быть результатомъ только такого общаго міровоззрѣнія, въ которомъ дается философски достаточное обоснованіе возможности и дѣйствительной наличности достовѣрнаго знанія. Своими этими утвержденіями социализмъ обнаруживаетъ, что у него есть какое-то общее міровоззрѣніе и характера безусловнаго, а это значить—почва для критики найдена. Социализмъ и христіанство это не двѣ принципиально отличающіеся другъ отъ друга плоскости—плоскость относительнаго и плоскость безусловнаго,—*а одна*. Такимъ образомъ критика социализма съ точки зрѣнія христіанства вступаетъ въ свои права и становится логически обоснованной.

В. Эрнъ.
